

В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ. НОВЫЙ ПОВОРОТ В СОЦИОЛОГИИ

Автор: П. ШТОМПКА

ШТОМПКА Петр - профессор Ягеллонского университета (г. Краков, Польша), президент Международной социологической ассоциации в 2002 - 2006 гг.

Аннотация. Социология переживает поворот в теории и методологии. Ряд известных социологов изучают на первый взгляд тривиальные явления повседневности; массовые опросы уступают место глубинным интерпретациям, качественным процедурам, фокусируясь на видимой поверхности общества и используя наблюдения и визуальную социологию. По мнению автора, это явный признак подлинно парадигмального сдвига, призыв к третьей социологии - после второй социологии поведения и действия, первой социологии организмов и систем. Фокусируясь на социальной экзистенции и ее проявлениях в событиях, социология социального существования дает новый угол зрения, позволяя продвинуться в понимании загадок человеческого общества.

Ключевые слова: поворот * визуальная социология * социология повседневности * третья социология * парадигмальный сдвиг

Центр внимания социологии в последнее время, кажется, резко меняется. В каталогах известных издателей трудов по социальным наукам: Блэкуелл, Кембридж Университи Пресс, Полити Пресс, - множество названий, которые были бы совершенно немыслимы и считались бы абсолютно "ненаучными" всего лишь десять лет назад. Серьезные авторы увлеченно пишут книги по вопросам любви, интимности, дружбы, еды вне дома, поп-музыки, покупок, риска, недоверия, одиночества, здоровья и физкультуры, поездок в такси и т.п. Сто лет назад Георг Зиммель стал предтечей такого рода социологии. Но поскольку трудился он в дни расцвета "научной" социологии, особенно ее немецкой разновидности, особый взгляд, который он отстаивал, так и не позволил ему сделать карьеру в науке [см.: Зиммель 1 - 2]. Иное дело теперь: сам Зиммель извлечен из забвения, ему вернули место гуру современной социологии наравне с прежними идолами (Карл Маркс, Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм).

Одновременно замечен сдвиг в методах социологии - от массовых количественных опросов, которые многие десятилетия доминировали в социологических исследованиях, к более качественным подходам: наблюдение, кейс-стади (изучение случаев), глубинные интервью, интерпретация "эго-документов", то есть непреднамеренно созданных личных свидетельств пережитого - письма, жизненные истории, семейные фото, и анализ социальной иконосферы как особо интересная новинка. Быстро встает на

ноги суб-дисциплина визуальной социологии. Есть и такие, кто провозгласили "иконный поворот" в социологии!

Теоретические и методологические тенденции, конечно, связаны. Действительно, если считать эпизоды повседневной жизни центральным объектом социологии, нужно повернуться - или, лучше сказать, вернуться - к методам наблюдения, широко используемым с начала 20-го века социальными антропологами или этнографами, так как повседневная жизнь, несомненно, "видима" и, следовательно, наблюдаема, а потому воспроизводима фотографическими (и другими визуальными) способами [3]. Вспоминаю известного немецкого социолога, который большую часть своей карьеры посвятил утонченным массовым социологическим опросам, частным порядком признавая: "Знаете, если бы мне действительно было нужно понять итальянское общество, я бы не рассылаю анкеты, а пошел бы в кафе за углом. Чтобы понять немецкое общество, я иду в пивную, а если я хочу понять британское общество, иду в паб. И там просто смотрю по сторонам". Просто "смотрю по сторонам": лучший совет для культивации социологического воображения.

"Третья социология". Что общего в этой радуге кажущихся несвязанными тривиальными предметами, на чем сосредоточились современные авторы? Они низводят социологию от очень абстрактного уровня макро-социологических проблем социальных организмов, социальных систем, социально-экономических формаций, социальных структур, социальных процессов и т.д. до уровня повседневной жизни людей среди других людей, вместе с ними, бок о бок с ними, во взаимодействии, соперничестве, конфликте или борьбе с ними, в любви и ненависти, но никогда в одиночку, в изоляции. Нынешние штудии привязаны к самому простому и самому типичному опыту людей, склонны распутывать неуловимые коллективные или межличностные измерения и внутренние механизмы. Большинство из этих книг описательны, аналитичны и типологичны. Но есть и попытки конструировать полномасштабные объяснительные теории, сосредоточенные на повседневной жизни. Упомяну лишь три недавние примера: теория интеракции лицом к лицу Джонатана Тернера [4], цепи ритуалов интеракции Рэндола Коллинза [5] и культуральную прагматику и социальные перформансы Джеффри Александера и его группы [6].

Но не является ли этот нынешний поворот к повседневной жизни, к иконографическим методам и источникам всего лишь еще одним преходящим увлечением в науке социологии, которая особенно падка на моду, или это знак действительного теоретического и методологического поворота, может быть, - к настоящему парадигмальному сдвигу? [7]. Я приведу аргументы в пользу последнего. Для меня он означает рождение "третьей социологии", социологии социальной экзистенции (социального существования), - вслед за "первой социологией" социальных целостностей - организмов, систем, практиковавшейся классиками социологии Огюстом Конттом, Гербертом Спенсером, Карлом Марксом, а позднее Толкотом Парсонсом, и "второй социологией" социальных "атомов" - поведений, действий, или даже "субатомных частиц" таких как смыслы, надписи, тексты, начало чему положил Макс Вебер, а продолжили Герберт Мид, Клод Леви-Стросс и другие [8].

"Третья социология" в качестве главного объекта исследования берет социальные события: человеческое действие в коллективных контекстах, ограниченное, с одной стороны, агентным (активным) потенциалом участников, с другой стороны, структурной и культурной окружающей средой действия. Таким образом, реифицированные абстракции первой и второй социологии обходятся с двух сторон - макроабстракций систем и структур, существующих над головами людей, и микроабстракций поведения, действия, существующих внутри реальной жизни человеческих существ. "Третья социология" отбрасывает обе эти редукции социальной жизни, то есть верховую редукцию, рассматривающую ее как проявление системных или структурных детерминант, и низовую редукцию, считающую ее простым агрегатом поведений и действий. Идея социальной экзистенции сфокусирована на реально происходящем в обществе людей, на уровне между структурами и действиями, где ограничения структур и дина-

мика действий производят реальные, проживаемые и наблюдаемые социальные события, социально-индивидуальные практики, составляющие повседневную жизнь, фактически - единственную жизнь, которая есть у людей, и которая ни полностью детерминирована, ни полностью свободна. В понятии социального события агентные (личные) влияния действующих индивидов и структурный (ситуационный) контекст, в котором они действуют, сводятся в один неделимый феномен.

Таким образом, "третья социология" расстается с двумя иллюзиями здравого смысла. 1). Она устраняет высокомерную, эгоцентрическую веру в наши личную автономию, важность, исключительные качества и независимость от остального общества, ибо, если мы действительно смотрим на него с нашей чисто телесной точки зрения, - мы отдельные мешки из кожи, наполненные плотью. Но это не есть сущность нашего человечества! 2). Она расстается с противоположной, фаталистической и покорной верой в то, что наша судьба - целиком формируется невидимыми, сверхчеловеческими и неконтролируемыми силами, поскольку мы постоянно бьемся головой в стену, ограничивающую нашу свободу - стену законов, правил, принципов и стандартов, которые не мы создали; мы приобретаем различный болезненный опыт, игнорируя эту стену, или не распознавая ее вовремя: унижения, отказ, социальная изоляция, изгнание, даже тюрьма. Но все это не исключает важности человеческой агентности.

В отличие от этого, "третья социология" рисует более реалистическую картину жизни человека, или "социального существования", которая охватывает и пределы нашей "свободы от", заданной нашей неизбежной встроенностью в сети отношений с другими людьми, - по случайности - свободными, и возможностью креативного участия в жизни общества, и нашей "свободы делать что-то", благодаря нашему уникальному расположению в более широких социальных сочетаниях с другими людьми, которые могут оказаться под влиянием наших действий.

Социальная экзистенция всегда динамична. Давняя метафора социальной "жизни" хорошо схватывает это. Как и жизнь в буквальном смысле социальная экзистенция никогда не стоит на месте, ибо если она остановится, жизнь прекратится. Но она динамична - не только в смысле постоянного непрекращающегося действия или функционирования (рутинные репродуктивные "перемены в чем-то", как пишут некоторые социологи), но также в смысле приведения в движение продуктивных, долгосрочных "перемен чего-то": социальные процессы, трансформации. Несколько лет назад я предложил концептуальную модель интерпретации динамики социальной жизни [9]. Я сражался на два фронта. С одной стороны, я отверг понятие развития, или эволюции, или модернизации, столь типичное для "первой социологии". Она считает данным некое линейное, неизбежное направление социального (исторического) процесса, детерминированного, приводимого в движение некими надчеловеческими, абстрактными и реифицированными силами, - над нашими головами. С другой стороны, я отверг идею полностью свободного, случайного, фрагментированного и произвольного курса действия людей, который не позволяет видеть какие-либо темпоральные регулярности, что подразумевает "вторая социология". Вместо этого я ввожу концепт социального становления" (social becoming), который синтетически покрывает обе стороны монеты: имманентное движение процессов, создающих (или ограничивающих) возможности животворящих, важных действий акторов-людей, и индивидуальный вклад разных обладающих ресурсами акторов, что позволяет им или использовать эти возможности, или избегать их. Уровень встречи этих двух влияний в неделимом потоке социальных перемен я назвал "человеческой агентностью". В то время это мыслилось как мое изложение того, что сейчас я называю "третьей социологией" социальных перемен. Социальная экзистенция, учреждаемая социальными практиками в сфере повседневной жизни, приводит в действие процесс социального становления, само-преобразования общества благодаря социальной агентности, то есть особым образом наделенными (endowed) ресурсами людьми, действующими в рамках ограничений или стимулов, заданных унаследованной фазой социального процесса, самого являющегося результатом прежней практики, выполненной предшественниками на ранних фазах процес-

са. Социальная экзистенция и социальное становление образуют то, что "действительно реально", - онтологически базовую и предшествующую в обществе людей. Именно в направлении анализа, типологии и теоретического объяснения этого уровня реальности и движется сейчас "третья социология".

Горизонты визуальной социологии. Как упомянуто выше, методологически обратной стороной фокуса на повседневной жизни является поворот к качественным методам. Одним из них является наблюдение и его продолжение средствами фотографической (и схожей) техники. В современном обществе много того, что можно видеть, если просто смотреть вокруг себя, - по совету упомянутого немецкого социолога. Но все они появляются как раз на уровне повседневной жизни. Нельзя непосредственно наблюдать макрообъекты, социальные классы, государства, институты, нации. Нельзя прямо наблюдать и микро-смыслы, мотивы, намерения действий человека. Но на уровне повседневной жизни есть целый "спектр видимого". На одном конце - стихийные, культурно окрашенные жесты, язык тела, "работа лица", физиогномика, а также весь цивилизационный и технический "дизайн" окружающей нас среды (так поразительно колоритный и разнообразный в современных крупных городах). На другом полюсе - разные изображения, направленно созданные для передачи неких смыслов и мессиджей: объявления, реклама, фотографии в газетах и журналах. Между ними - осознанные стилизации людей, "представления себя", нацеленные на передачу некой информации о нас самих и нашем статусе: то, как мы действуем, говорим, стиль поведения, "умение жить", мода и бренды, продукты, нацеленные на то, чтобы произвести впечатление на других (часы "Ролекс" у некоторых людей, дома, в которых они живут, автомобили - как в объявлении о "Мерседесе": "заявления¹ делать не нужно, но вы можете"!)). Исключительно богатая иконография открыта для наблюдения и для его продолжения - фотографирования и других способов записи изображений.

Ограничиваясь пока обсуждением только фотографирования, назову два пути его использования в социологии повседневной жизни: делать фото социальных ситуаций и интерпретировать имеющиеся фотоизображения. Но фотографирование имеет много возможностей для применения. Начну с того, что оно повышает нашу чувствительность к социальным ситуациям, так как заменяет пассивное "рассматривание", когда перед нашими глазами плывут бесчисленные хаотичные впечатления, намеренным "рассматриванием", когда мы осознанно выбираем и ранжируем образы по их важности. Здесь полезны три технические характеристики фотокамеры. 1. Наведение фокуса на нечто, - это означает выбор чего-то самого важного в наблюдаемой ситуации. 2. Установка рамки видимого, что означает выделение/устранение черт ситуации, которые кажутся менее важными или маргинальными. 3. Определение глубины поля, отделение переднего плана от заднего.

Фото "замораживает" быстроменяющиеся и сложные социальные ситуации, позволяя нам детальнее их анализировать. Тем самым, оно повышает качество социологического описания, диагноза. Оно также помогает объяснять, открывая тренды, регулярности или даже, наверное, "социальные законы". Последнее относится не к одиночному фото, а скорее к ряду фотографий. Повторяя съемку одной и той же социальной ситуации, социальной среды в разные моменты времени, мы можем открыть темпоральные тенденции, а делая фото одного и того же типа поведения людей (семейная жизнь, религиозная жизнь, работа, отдых и т.п.) в компаративных исследованиях различных культур, можно открыть общее, "кросс-культурное общее", культурно заданную "экзотическую" специфику.

В наше время мы также имеем доступ к очень богатым, разнообразным (и редко исследуемым) наличным иконографическим источникам: существующие фотографии социальных ситуаций в СМИ, в фотожурналистике, частные любительские коллек-

---

¹ Видимо, речь идет о заявлении о доходах (*примечание переводчика*).

ции семейных фотографий, музейные коллекции, рекламу, объявления и т.п. Их можно изучать ради социологической интерпретации, открывающей скрытые структуры четырех типов: структуры интеракций (путем рассмотрения характерных образцов, моделей, "геометрии", межличностных контактов, контура групп, толпы и т.д.), нормативных структур (наблюдением стандартных, повторяющихся форм поведения), идеальных структур (наблюдение выражений веры и идеологий, например, на плакатах во время политических демонстраций, стачек, бунтов), и, наконец, случайные структуры, или распределения неравенства (наиболее заметные признаки бедности или богатства, власти/безвластия, славы и маргинализации, статуса знаменитостей и неудачников).

Истоки "третьей социологии". Парадигмальные повороты в социальных науках обычно бывают реакцией на два вида обстоятельств. Одни имеют имманентную природу и обращены к интеллектуальным тенденциям: усталость, от чего-то, разочарование, даже просто скука, - производны от прежних идей. Другие факторы связаны со сменой характеристик самой социальной жизни, которые нельзя полностью описать посредством прежних подходов.

Путь к социологии качественных исследований повседневной жизни прокладывали три теоретические тенденции, возникшие во второй половине 20-го века. Первая тенденция выросла из критики абстрактных социологических систем, олицетворяемых в свое время структурным функционализмом Толкота Парсонса (см.: [10]), и вела в трех направлениях: субъективистский поворот к изучению интенций, мотиваций, суждений, стоящих за социальными действиями; агентный поворот к изучению социальных акторов и путей, которыми они создают и конструируют социальные структуры, институты, организации и т.п.; культурный поворот к поиску незаметных, невидимых тканей из смыслов, правил, ценностей, норм, представлений, "привычек сердца", регулирующих поведение людей. Самые важные авторы, продвигавшие эти новые линии социологического поиска, были: И. Гофман и его драматургическая теория [11 - 14], Г. Гарфинкель и его этнометодология [15, 16], А. Шютц, П. Бергер и Т. Лукман и их феноменологический подход [17, 18].

Вторым крупным трендом была пост-модерная критика прежней социологии, особенно "постмодернизм" более здорового и реалистичного плана, который, отнюдь не отбрасывая возможность социальной науки, дает пронизательные наблюдения по поводу современной стадии социальных перемен, которую называют поздним модерном, высоким модерном, рефлексивным или текучим (fluid) модерном. Авторы, представляющие эту разновидность постмодерна [19 - 23], утверждали, что прежняя социология пренебрегла такими критическими чертами нашего общества как фрагментация, случайность, хаос, стечение обстоятельств, риск, эфемерные, спонтанные или нервные проявления, телесные, эмоциональные и саморефлексивные характеристики, глобализация и т.п.

Третьим влиятельным трендом была феминистская социальная критика и теория, которая стала искать проявления и причины подавления, дискриминации и эксплуатации женщин в контекстах повседневной жизни, особенно в семье и на рабочем месте.

Эти внутренние интеллектуальные процессы развития в социологии в известной мере нашли отражение в новых феноменах, возникших в обществе к концу века. Люди стали все более остро сознавать свой быстро меняющийся и во многих отношениях поразительно новый "жизненный мир". Социология, которая, в конце концов, не многим больше, чем концептуально и эмпирически обоснованный здравый смысл, не может не отражать такого нового или углубленного осознания. Новые качества социальной жизни можно суммировать под такими рубриками: технологические переменны (особенно в коммуникациях и перевозках), глобализация, мега-урбанизация, потребительство, гибкие формы труда, преобразования интимной сферы, нарастание рисков и насыщение визуальностью. Хорошим индикатором социальных перемен можно считать переменны в языке, словарях, которыми люди описывают свой мир. В обиходе новые термины появляются прежде, чем в концептуальных схемах социологов. То есть

не случайностью представляется то, что сейчас мы говорим о шопинге, а не о покупках, клубинге, а не о посещении бара, занятия любовью вместо любви, боди-билдинге, а не физкультуре, цаппинге вместо просмотра телевидения, чате в чат-румах вместо разговора, серфинге в сети вместо пляжей, блоггинге вместо написания мемуаров, э-мейлинге вместо переписки, посылке СМС-ок, ММС-ок и т.п.

Онтологические предпосылки "третьей социологии". Новая тенденция в социологии - фокус на качественных исследованиях повседневной жизни - пока на ранней стадии развития. Чтобы стать заметной теоретической ориентацией, ей нужны концептуальные инструменты. Хочу предложить и кратко описать некоторые мысли о различении концептов. Центральный концепт "третьей социологии" с богатыми онтологическими возможностями - социальное существование. По моему совету (когда я был президентом МСА) - это стало основной темой всемирного социологического конгресса в Дурбане в 2006 г.; отклик участников, накал дебатов показали, что я натолкнулся на нечто важное.

Концепт социальной экзистенции опирается на доведенные до конца выводы из старой мысли Аристотеля: люди - социальные животные, точнее - их существование всегда, от рождения до смерти - коллективно. Ни индивиды, ни общества не являются отдельными или автономными единицами. И те, и другие - чисто аналитические аспекты единой индивидуально-социальной реальности, или индивидуально-социетального поля, или социальной сети, или, писал польский поэт Збигнев Херберт, - межчеловеческого пространства.

Неотъемлемая дуальность социальной ткани была осознана уже одним из классиков социологии 20-го века Норбертом Элиасом [24]. Первая часть человеческого уравнения идет под рубрикой: индивид в обществе. Нет отдельного, самостоятельного, автономного индивида. Каждый из нас член некоего коллектива и некая индивидуальная идентичность (Я - Т) - является результатом места, занятого индивидом в более широкой группе (Мы - 'We'). Я - то, с кем встречаюсь, говорю, дружу, на ком женюсь, кому читаю лекции - и следы всех этих встреч - в моей биографии. Уникальность моей идентичности вызвана уникальным кластером, неповторимой сетью тех контактов в моем прошлом и настоящем, а также потенциальных контактов в будущем - точнее, нынешними возможностями для таких контактов, созданными моим профессиональным положением, классовой принадлежностью, тендером, статусом. Индивид - уникальный "узел" в "человеческой сети", носитель уникального сочетания социальных связей. Вторая часть человеческого уравнения идет под рубрикой "общество индивидов". Интуитивно, это, наверное, более очевидно. Нет общества вне участвующих индивидов или над ними. В каждом из своих проявлений, которые часто нами обозначаются кратко как государство, нация, институции, организации и т.д., - общество - не что иное, как некая комбинация акторов и их действий. Все более или менее абстрактные или более постоянные социальные черты являются следствиями (часто непреднамеренными и даже не замечаемыми) тех достоинств, которыми обладают его члены, и того, что они реально делают, в данных условиях и при ограничениях, унаследованных от ушедших поколений.

То есть концепт социальной экзистенции несет послание - социальный мир не что иное, как межличностное поле, межчеловеческое пространство, наполненное встречами, контактами, взаимодействиями, связями, отношениями, социальными узами, "лигатурами" [25], или связями с другими, покрывающими весь спектр от любви и интимности до интересов и контрактов, от кооперации до конкуренции, от консенсуса до конфликта, от мира до войны. И эта встроенность людей в отношения с другими людьми происходит не где-нибудь, а в нашем повседневном опыте. Это центральный, социальный аспект нашего существования как людей. Все другие аспекты общества: макроструктуры, макропроцессы, культуры, цивилизации, технические системы, организации, институции, - фактически существуют не где-то далеко, а внутри нашего социального существования и пронизывают изнутри простейшие повседневные события, в которых мы рутинно участвуем. Они длятся лишь до тех пор, пока люди совер-

шают действия по отношению к другим и устанавливают связи и отношения разных форм. Общество лежит не вне нас самих, а внутри нас.

Поэтому повседневная жизнь предстает как арена, где социальное существование наилучшим образом проявляет себя - наиболее плодородная "стратегическая исследовательская площадка" [26] социологии. И необычайно богатое визуальное, внешне наблюдаемое лицо повседневной жизни предоставляет некий стратегический исследовательский ресурс анализа и объяснения повседневной жизни - отсюда мы раскапываем секреты социального существования.

Такова связь социологии социальной экзистенции (определяемой в терминах конкретного онтологического фокуса) с визуальной социологией (определяемой в терминах конкретного методологического подхода).

Смысл и анатомия повседневной жизни. Концепт повседневной жизни не является самоочевидным и может содержать обманчивые коннотации. Так, нам, прежде всего, нужно уточнить, чем "повседневная жизнь" не является, а потом двигаться к определению ее позитивных черт. 1. Повседневная жизнь не ограничена тем, что Э. Дюркгейм назвал "профанным" в отличие от "священного". Она включает в себя дюркгеймовское "священное" - то есть необычные случаи, наделенные особым символическим значением. Магические, религиозные, ритуальные, символические, торжественные, церемониальные практики включены в нее вместе земными рутинными практиками. Завтрак на работе, месса в церкви, покупки в супермаркете, участие в патриотической манифестации, просмотр телевизора вечером, посещение концерта Берлинского филармонического оркестра - всё это эпизоды повседневной жизни в широком смысле, предлагаемом мною. 2. Повседневная жизнь не ограничена жизнью простого человека в некоем "классовом" смысле (в английском языке в этом случае говорят о простонародье), а включает также жизнь элит, знаменитостей (как в одной американской программе о них говорят: "Жизнь красивых, богатых и знаменитых"). Конечно, повседневная жизнь знаменитостей более живописна, красочна и привлекательна при просмотре, она дает огромные прибыли таблоидам, папарацци и газетным сплетням. Но категория повседневной жизни проходит через все классовые границы. 3. Повседневная жизнь не синоним частной жизни в противоположении жизни публичной. Она охватывает обе сферы, даже если участвующие акторы различаются. Но для политиков, журналистов, активных граждан и даже большинства людей во время выборов действия в публичной сфере столь же повседневны, как любые частные события. Произносить или слушать политическую речь, бастовать, отдавать свой голос не отличается в этом плане от обеда с друзьями, похода в кино или участия в семейной встрече.

Но каковы тогда позитивные, дефинирующие черты повседневной жизни? 1. Как уже отмечено, повседневная жизнь это не наблюдаемые проявления социальной экзистенции, поэтому она всегда включает отношения с другими людьми. Она всегда происходит в социальном контексте. Даже когда мы один, другие виртуально присутствуют в наших мыслях, памяти, мечтах - те, кого мы любим или ненавидим, кто - наши друзья или враги, с кем мы работаем вместе или соперничаем, чье присутствие нас радует или отталкивает, чей совет мы ценим или отвергаем, перед кем мы гордимся или стыдимся. Мы всегда ведем себя с ними, как писала М. Арчер, "внутренний разговор" [27], и это становится критическим компонентом, формирующим наши мотивации и действия.

2. События повседневной жизни повторяются, они не уникальны. Иногда они даже цикличны, ритмичны, становятся рутинными. Они происходят изо дня в день, из месяца в месяц, или в определенные моменты в течение года. Вот примеры: обеды вне дома вечером в пятницу, поездки за город на уикенд, церковь в субботу, отпуск летом, коньки зимой, посевная весной и уборка урожая осенью, Пасха и Рождество, посты, танцы под Новый год.

3. Очень часто повседневная жизнь предполагает ритуальные, разыгрываемые, стилизованные формы, типичные для привычных действий: зарядка по утрам, чтение

газеты за завтраком, обед в середине рабочего дня, стаканчик после возвращения с работы. Эта черта еще более заметна при торжественных, священных случаях - религиозные церемонии, начало учебы в университете, судебное заседание, дипломатический прием.

4. Повседневная жизнь нагружает наше тело - наши биологические данные. Физическое развитие, эмоции - со всеми их сильными и слабыми сторонами, потенциалом и ограничениями. Наши тела непрямая помощь в во всех наших отношениях с другими. Даже когда мы разговариваем на расстоянии, важен тембр нашего голоса, и мы создаем технологии, чтобы, по меньшей мере, видеть лица собеседников на экране. Мы чувствуем, что полностью бестелесные и анонимные коммуникации с незнакомыми людьми в интернете (когда мы даже не можем представить себе, как они выглядят), лишены определенного важного элемента, они неполноценны, неполны и неудовлетворительны .

5. Повседневная жизнь обычно локализована в пространстве, она происходит в определенном месте, - дома, на улице, в церкви, на стадионе - и характер площадки значительно определяет характер, стиль, форму и содержание социальных событий.

6. Эпизоды повседневной жизни имеют определенное временное протяжение - они длятся больше или меньше во времени. Сравним встречу с другом на улице, обед в ресторане, научный семинар, дальний перелет или отпускной круиз. Они также могут иметь разные "структурно ожидаемые протяженности" - по словам Р. Мертона [26]: футбольный матч, симфонический концерт, сессия парламента, "первый визит" к кому-либо домой по традиционному обычаю и т.п. Реальная или ожидаемая длительность серьезно влияет на характер социального события.

7. Повседневная жизнь часто протекает без рефлексии, следуя обычаям и рутинам, которые акторы не всегда сознают. Вот почему ответ по телефону на вопрос: "Что ты сейчас делаешь?" часто вызывает неловкий ответ: "Ничего!", что, конечно, неправда, так как ничего не делают только мертвецы! Мы всегда что-то делаем, пока живем.

Каждая сфера исследования создает набор концептов для работы с аналитическими аспектами или размерами феномена. Социология социальной экзистенции еще не выработала такой стандартной концептуальной рамки. Поэтому ниже приведу некоторые соображения, ряд предварительных поисковых концептов, позволяющих нам приблизиться к повседневной жизни более аналитично и системно.

Во-первых, в каждом социальном событии есть некое число участников, которые соотносятся друг с другом. Участники воплощают разные социальные роли. Отношения между ними могут быть прямыми, лицом к лицу, включая пространственное и временное соприкосновение (разговор за обедом), но они также могут общаться на расстоянии через посредника (разговор по телефону), с временным интервалом (письма), или даже совсем анонимными (чат по интернету). Критически важно число участников. Еще Георг Зиммель первым привлек внимание к тому, что простое число может определять характер событий и содержание обменов и интеракций. Он показал, как прибавление числа участников меняет качество сети [1].

Во-вторых, всякое социальное событие происходит в непосредственной ситуации. Особо важным считается присутствие или отсутствие зрителей, свидетелей этого события, которые сами в нем не участвуют. Этим частные события отличаются от публичных. Самое сильное влияние оказывают те, кто активно сосредоточен на событии, но даже простое присутствие незаинтересованных других может быть важным. Помните, как в присутствии неизвестных и нейтральных других в ресторане, автобусе, поезде мы понижаем голос и создаем нишу приватности или интимности. Но мы ведем себя иначе, если хотим заинтересовать других и вовлечь их в событие, - в политический митинг, бунт, тушение пожара в доме. Г. Ле Бон и другие представители "психологии толпы" могут много рассказать о влиянии массового соприкосновения на наше поведение.

В-третьих, каждое социальное событие случается в некоем широком социальном контексте семьи, работы, потребления, отдыха, безделья, образования, политики и

т.д. - в которых люди постоянно циркулируют, в которые они входят и которые покидают в течение дня, недели или большего протяжения времени. В каждом контексте мы ведем себя иначе, выглядим иначе, порой иначе одеваемся, говорим иначе, выдерживаем иной эмоциональный тон, вдыхаем иную "атмосферу". Мы уходим из дома, идем на работу, потом в магазин, заходим в бар, идем в фитнес-центр или на теннисный корт, возвращаемся домой и т.д. Смена контекста часто обозначается некими ритуалами: подключение к компьютерной сети на работе, тапочки и глоток вина по приходу домой, спортивный костюм в теннисном клубе, пижама при регистрации в больнице, костюм для похода на концерт и т.п. Мы также обозначаем факт вхождения в контекст или выхода из него обычными приветствиями. Сколько раз в день мы говорим "здравствуйте", "привет", "до свидания", "увидимся" и т.д. Иногда используются жесты: кошелек или кредитная карточка показывает официанту, что мы уходим, преподаватель убирает записи, обозначая конец лекции, гасятся свечи в церкви, означая конец службы.

В-четвертых, социальные события случаются в определенных местах, площадках, типичных для конкретных контекстов, места, где события обычно имеют схожее содержание: дом, улица, церковь, больница, стадион, школа, библиотека, пивная, дискотека и т.д. События в этих местах схожи, так как люди обычно делают здесь схожие вещи: в библиотеке читают, в больнице лежат, на улице покупают или рассматривают витрины, на поле играют, занимаются физкультурой, в церкви молятся, в ресторане едят и т.д.

В-пятых, социальные события - это сложные конфигурации. В разных контекстах и локализациях встречаются типичные социальные случаи: сложные конфигурации событий, где разные индивиды вместе исполняют разные роли, координируя действия. Например: свадьбы, похороны, вечеринки, хирургические операции, уроки в школе, футбольные матчи, религиозные процессии. Социальные события могут также самоорганизовываться во временные конфигурации и типовые последовательности событий. Можно говорить и об определенных процедурах, которые должны исполняться, чтобы образующие его события имели смысл. Примеры - прием на работу, судебные процессы, аукционы, выборы и экзамены в университете. Если такие процедуры длительны по времени, состоят из ряда этапов, планируются заранее, имеют определенную цель, - говорят о проектах. Закончить университет, тренироваться к чемпионату, сделать карьеру профессионала, написать книгу, накопить на покупку дома, вырастить детей - примеры проектов. Люди в их проектах различаются жестким или спонтанным исполнением, последовательностью или гибкостью. Иногда социальные события, социальные случаи, процедуры весьма полагаются на символические жесты и очень точные сценарии. Для них важнее, как что-то делается, чем что делается и с какой целью. Здесь можно говорить о социальных ритуалах. Много ритуалов в политике и военной жизни: парады, митинги, публичные выступления, смена караулов. Многие ритуалы становятся тем, что называют "бытовым национализмом" - подъем флага, пение гимна, национальные праздники. Есть ритуалы в области спорта и отдыха: фестивали и карнавалы, массовые парады, размахивание руками на рок-концертах.

Наиболее велика доля символической составляющей в социальных ситуациях, главным смыслом которых является передача некоего смысла широкой аудитории. В последнее время это стали называть *перформативным* (ролеисполняющим) действием. Здесь социальные события обретают форму драматургического, квази-театрального спектакля. Это самая сложная категория среди показанных выше. Ее анализ недавно был выполнен Джеффри Александером - вслед за И. Гофманом [6, 32]. Социальный перформанс предполагает некий лежащий в его основе культурный сценарий или рамочные условия, наподобие мифа, устную традицию, письменный текст. Этот сценарий реализуется социальными актерами, стремящимися передать контент аудитории. Они пытаются убедить аудиторию в своей правдивости и честности. Аудитория стремится верить им и идентифицирует себя с актерами. Сценическое действие происходит на некой сцене, а актеры используют иконные атрибуты и приемы, выдуман-

ные для остроты мессиджа. На сцене сценарий начинает, пишет Александер, "ходить и говорить". Именно так существует культура в отличие от ее потенциальной формы существования в текстовом виде. Или, как давно заметил один культур-антрополог по поводу примитивной религии: "ее не думают, ее танцуют и поют" [29].

Перспективы новой перспективы. Социология повседневной жизни - не новая дисциплина или раздел социологии. Скорее, это новая перспектива, угол зрения, позволяющий видеть все проблемы социологии в новом свете [30, 31]. Она не заменяет первую и вторую социологию. Абсурдно говорить, что все социологи сейчас должны повернуться к изучению повседневной жизни. История гуманитарных наук не шла по модели отвержения и замены. Новые парадигмы не обесценивают старые, а добавляются к ним, в сумме обогащая наше видение. Социология повседневной жизни предлагает добавить изучение социальных событий на самом реальном, очевидном и банальном уровне повседневной жизни к анализу комплексных абстракций, социальных систем, структур, социальных действий. Она претендует на то, что такие абстракции воплощены и реализованы в эпизодах повседневной жизни. И поэтому их лучше всего рассматривать, наблюдать, фиксировать именно здесь. Именно здесь мы найдем социальное неравенство, классы, власть, глобализацию, идентичность, модернизацию, цивилизационные процессы и все другие проблемы, важные для социологии. И особенно привлекательным делает такое изучение то, что большая часть социальной жизни на этом уровне видима, наблюдаема, а поэтому может открыться привлекательным и продуктивным визуальным техническим средствам, включая фотографию, что я особо акцентирую. Социология повседневной жизни дает перспективный подход к непознанным тайнам социальной экзистенции. Она предлагает общую теоретическую повестку дня, из которой я выбираю четыре проблемы. 1. Роль разных социальных уз и разных форм общности в функционировании общества. 2. Креативные устремления природы человека с ее неустанными попытками обновлять, преодолевать преграды, раздвигать горизонты и вносить вклад в социальное становление. 3. Спонтанность, эмоциональность, непостоянство и непредсказуемость действий людей с их имманентной свободой даже перед лицом сильнейших внешних сдержек. 4. Стремление человека наделять действия свои и других смыслом, искать смысл в социальной жизни и социальной организации.

Представляется, что социология социальной экзистенции, используя повседневную жизнь как исследовательскую лабораторию, возможно, приблизит нас к решению извечных социологических загадок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Simmel G.* On Individuality and Social Forms. (Ed. *D. Levine*). Chicago: University of Chicago Press, 1971.
2. *Simmel G.* Bridge and the Door // *Rethinking Architecture. A Reader in Cultural Theory.* L.: Routledge, 1997.
3. *Штомпка П.* Визуальная социология: фотография как метод исследования. М.: Логос, 2007.
4. *Turner J.* Face to Face: Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior. Stanford: Stanford University Press, 2002.
5. *Collins R.* Interaction Ritual Chains. Princeton: Princeton University Press. 2004.
6. *Alexander J., Giesen B., Mast J.* Social Performance. Cambridge: Cambridge University Press. 2006.
7. *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
8. *Dawe A.* Theories of social action // *Bottomore T., Nisbet R.* (eds). A History of Sociological Analysis. New York: Basic Books, 1978, p. 362 - 417.
9. *Sztompka P.* Society in Action: The Theory of Social Becoming. Cambridge: Polity Press. 1991.
10. *Gouldner A.* The Coming Crisis of Western Sociology. L.: Heinemann, 1971.
11. *Goffman E.* Behavior in Public Places. New York: Free Press, 1963.
12. *Goffman E.* Interaction Ritual. Garden City: Doubleday, 1967.
13. *Goffman E.* Relations in Public. New York: Harper, 1971.
14. *Goffman E.* Gender Advertisements. L.: Macmillan, 1979.
15. *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1967.
16. *Garfinkel H.* Ethnomethodology's Program. Ed by *A. Rawls*. Boston: Rowman and Littlefield, 2002.
17. *Berger P., Luckman T.* The Social Construction of Reality. New York: Doubleday Anchor. 1967.

18. *Schutz A.* On Phenomenology and Social Relations. Ed by *H. Wagner*. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
  19. *Baudrillard J.* Simulacra and Simulations. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.
  20. *Bauman Z.* Hermeneutics and Social Sciences. L.: Hutchinson, 1978.
  21. *Bauman Z.* Modernity and Ambivalence. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
  22. *Beck U.* Risk Society. L.: Sage, 1992.
  23. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge; Polity Press, 1990.
  24. *Elias N.* The Society of Individuals. Oxford: Blackwell, 1991.
  25. *Dahrendorf R.* Life Chances. Chicago: University of Chicago Press, 1979.
  26. *Merton R.* Socially Expected Durations // *P. Sztompka* ed. On Social Structure and Science. Chicago: University of Chicago Press, 1996, pp. 162 - 172.
  27. *Archer M.* Being Human: The Problem of Agency. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
  28. *Le Bon G.* The Crowd. Mineola, NY: Dover Publications, 2002 [1895].
  29. *Marrett R.* The Threshold of Religion. L.: Methuen, 1914.
  30. *Bennett T., Watson D.* (Eds). Understanding Everyday Life. Oxford: Blackwell, 2002.
  31. *Maffesoli M.* (Ed). The Sociology of Everyday Life // Current Sociology. 1989, V. 37, No. 1.
  32. *Goffman E.* The Goffman Reader. *Lemert C, Branaman A.* (eds) Oxford: Blackwell, 1997.
- Перевод* *Н. В. Романовского* *European Review*. 2008. V. 16, No. 1, p. 23 - 27.